

ГЕОРГИЙ БРЖЕЗИНСКИЙ

ЛЮДИ И ПСЫ



Георгий Бржезинский

Люди и Псы

«Автор»

2026

Бржезинский Г.

Люди и Псы / Г. Бржезинский — «Автор», 2026

Эта история не отпустит вас до последней строки. На бескрайних северных просторах, где мороз испытывает на прочность, а ветер вырывает из груди последние надежды, разворачивается драма о человеческой природе. Герои ведут борьбу не только со стихией, но и с собственными демонами, ища ответы на мучительные вопросы о грани между выживанием и предательством. Север здесь - живой и беспощадный, но тем, кто выстоит, он дарит шанс на перерождение. Книга для тех, кто верит, что даже в ледяной пустоте теплится искра человечности.

© Бржезинский Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава первая. Ледяное притяжение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Георгий Бржезинский

Люди и Псы

«Иногда жизнь ставит нас на край пропасти — не для того, чтобы мы упали, а чтобы мы нашли в себе крылья»

Предисловие

«Север не прощает слабости. Он либо закаляет, либо ломает. Но тем, кто выстоит, открывает тайну — самое страшное в этой жизни не холод, а одиночество».

Перед вами — повесть, которая проникает под кожу и остаётся в сердце. Это не просто история о людях и собаках, затерянных в бескрайних снегах. Это притча о выборе, где каждый шаг по хрустящему насту отдаётся эхом в судьбах героев.

На краю земли, где ветер сбивает с ног, а холод выжигает душу, разворачивается история, которая бьёт под дых. Долгов, сбежавший от собственной жизни, но не сумевший убежать от себя. Иван, похоронивший прошлое, но не сумевший убить память. Стрелка – пёс, чья преданность становится испытанием для человеческой жестокости. Пушок – комок шерсти с волчьей душой, чья смерть станет последним судом над теми, кто забыл, что значит быть человеком.

Их судьбы вмерзают друг в друга, как кровь в снег. Боль – не как страдание, а как единственная правда, которую не выжечь даже сорокаградусным морозом. Надежда – не как свет в конце туннеля, а как последний патрон, который бережёшь не для зверя, а для себя.

Это не просто история выживания. Это исповедь на краю пропасти, где каждый шаг по хрустящему насту звучит как вопрос: "А ты смог бы?" И нет гарантии, что ответ будет правильным. Север здесь — не фон, а полноценный персонаж. Он дышит в спину, шепчет в ухо, испытывает на прочность. Его законы просты: выживает не сильнейший, а тот, кто не забыл, что значит быть человеком. В этом мире печки-буржуйки — единственное спасение от стужи, а взгляд стального неба напоминает: ты песчинка в снежной буре.

Но даже в ледяном аду есть место чуду. Чуду встречи, когда два одиночества находят друг друга. Чуду прощения, которое приходит не с раскаянием, а с пониманием: никто не заслуживает быть забытым. И чуду борьбы — когда, кажется, все силы исчерпаны, но ты поднимаешься, потому что за тебя некому больше постоять.

Эта книга — как удар об лёд. Резкий, болезненный, отрезвляющий. Она не даёт готовых ответов, но заставляет задать себе вопросы:

— Что останется от меня, если отнять всё, к чему я привык?

— Способен ли я на подлость ради выживания?

— И есть ли во мне то, что не сломает даже сорокаградусный мороз?

«Люди и псы» — это гимн тем, кто, оказавшись на дне, не перестаёт искать свет. Тем, кто знает: иногда, чтобы обрести себя, нужно потерять всё.

Откройте эту книгу — и вы услышите, как завывает пурга за окном. Почувствуете, как обжигает дыхание мороза. И, возможно, найдёте в себе то, что не даст вам свернуть с пути, когда жизнь потребует сделать выбор.

Для кого эта книга:

— Для тех, кто верит, что даже в самом тёмном лесу есть тропа к спасению.

— Для тех, кто не боится посмотреть в глаза своим демонам.

— Для тех, кто знает: настоящая сила — не в кулаках, а в умении остаться человеком, когда легче стать зверем.

Добро пожаловать в мир, где каждый — и палач, и жертва. Где надежда — это не огонёк вдалеке, а кровь на снегу, которую ты растираешь по ладоням, чтобы не замёрзнуть.

Откройте первую страницу — и вы уже не сможете остановиться.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Ледяное притяжение

Декабрьское утро. Северная станция Пальник-Шор.

Клацая на стыках, поезд торопливо набирал скорость, оставляя на пустынном перроне человека с большим рюкзаком у ног.

Оказавшись на тридцатиградусном морозе, Долгов зябко поежился, вобрав голову в куцый воротник далеко не зимней куртки. Проводил отрешенным взглядом последний вагон, забросил на одно плечо рюкзак и направился к вокзалу, неуклюже ступая в новых, еще не растоптанных валенках.

В свои пятьдесят лет Долгов имел крепко сбитую фигуру, в которой чувствовались здоровье и сила – этакий боровичок. Черные, выразительные глаза светились доверчивой добротой. Но иногда, словно от внезапной тревожной мысли, в этих глазах мелькала растерянность, свойственная человеку, попавшему нежданно-негаданно к черту на кулички и не ведающему, что его ждет.

Все тут было новое, пугающе необычное. Сразу за станцией начиналась заснеженная тундра. Она спускалась пологим косогором далеко вниз, к скованной льдом реке. Снег завораживал нетронутой белизной и свежестью. За рекой в морозной дреме замерли бесконечные лесные дали, уходящие за горизонт, растворенный в зимнем мареве.

Внезапно выплывший край по северному низкого солнца ослепительно вспыхнул, заливая верхушки деревьев золотистым цветом. Природа словно встрепенулась – радужно заискрилась снегами, вытягивая по ним голубые тени деревьев и кустов. Пока Долгов стоял, любуясь незнакомой доселе картиной, с севера-запада, подгоняемая студеным ветром, надвинулась сплошная бледно-серая пелена. Ближняя ель, качнув вершиной, сбросила вниз свою белую шапку. Косо засверкали мелкие, колючие снежинки.

“Да, погоды тут, прямо сказать... – снова поежился Долгов. – Смех и горе.”

С противоположной стороны, в километре от станции, затаенно выглядывали из-за белого холма заснеженные крыши поселка. Они дружно дымили разнокалиберными печными трубами, затушевывая порозовевший горизонт лохмотьями дымов.

На станции ни души. Тишь и покой. Только изредка, чуя приближение пурги, гулко и лениво перебрёхивались поселковые псы.

Не доходя метров двадцать до деревянного вокзальчика, Долгов, сбросил рюкзак на снег – чего таскать без толку? – и, грея ладонью коченеющий нос, потирая щеки, заспешил к двери. Пронимает – после теплого-то вагона... Первым делом надо найти телефон.

В зале ожидания ни души, а телефоном тут, как видно, и не собираются обзаводиться. Крошечное окошко кассы закрыто. Да и открывают ли его когда-нибудь в этой безлюдной глухомани?

Озадаченный Долгов снова вышел на мороз. Как же он попадет на буровую, если не созвонится насчет машины?.. Тут он заметил, что его рюкзак по-хозяйски обнюхивает целая свора местных собак. Ничего привлекательного не унюхав, псы стали разбредаться. Но один крупный черный кобель с деловым видом поднял было заднюю ногу, явно желая выразить презрение к бесполезному предмету.

А ну, пошел! – грозно крикнул Долгов.

Черный кобель резво отскочил от рюкзака, позорно обрызгав собственную ляжку. Тут же опомнился, угрожающе оскалился и залился оскорбленным лаем. Всем своим видом он показывал, что намерен отстаивать свое право пометить именно этот рюкзак.

Долгов медленно, настороженно приблизился к своему имуществу, взвалил его на плечо и торопливо пошел к двери. Захлебываясь злобным лаем, кобель бросился за ним, не забывая, впрочем, выдерживать безопасную дистанцию. Открыв дверь вокзала, Долгов осмелел и наставительно бросил псу:

– Ничего не поделаешь, дружок. Право собственности.

Внутри вокзала температура ненамного выше наружной. Первый раз он не обратил на это внимания. Из стены наполовину выступала металлическая печка-голландка, черная и массивная – от пола до потолка. Бросив на скамью рюкзак, шапку с перчатками, Долгов прижал к ее полукруглому боку озябшие ладони, и тут же отдернул их – печь была ледяная.

– Пор-рядки у них тут... – раздраженно пробормотал, поспешно засовывая руки в карманы брюк, поближе к собственному теплу.

Поразмыслив, стал в печальной задумчивости рыться в рюкзаке. Вытянул красную фланелевую рубашку. С сомнением покрутил ее в руках, решил: быстро сбросил свою жидкую, на рыбьем меху куртку, натянул рубашку прямо на свитер. Следом выудил пушистый шерстяной шарф и обмотал им шею поверх воротника куртки. Так мамы повязывают шарфы своим болезненным первоклашкам.

– На север, называется, приехал, смех и горе... – ворчал Долгов. – Полрюкзака книг припер, идиот!

“А если придется тут заночевать?” – с беспокойством подумал он, и стало ему вовсе тоскливо. – Влип ты, парень, капитально влип...”

Нахохлившись, уселся на скамью, задумчиво притих. Надо что-то делать, надо что-то... Он резко, возбужденно вскочил, шагнул к безжизненному окошку кассы, хотел затарабанить в фанерную створку, уже нацелил согнутый палец... и замер, прислушавшись.

Как видно, воспитание – не всегда благо.

В глубокой тишине, словно из далёкого далека еле доносилась музыка. Ясно: есть радио – должны быть и радиослушатели.

Долгов нерешительно постучал костяшкой по фанере. Тишина гробовая. Если не считать радиопиликанья. Постучал сильнее, требовательнее.

Глухо. Может, он необитаем, этот север дальний?

– В конце концов, вымерли там, что ли?

Долгов старался придать голосу требовательность, но вышло как-то просительно, едва ли не жалобно. Нет, так их не пробьешь. Он постучал еще, кашлянул и заговорил громко, решительно:

– Гражданка, меня не интересует, замужем вы или нет! Почему не топите печку? Человек замерзает!

“А если там мужик?” – мелькнуло.

Послышались шаги. Где-то за окошком скрипнула дверь, раздался грубый, презрительный женский голос:

– Это ты человек?! С утра накушался и буянит тут. Нет бутылки, гуляй!

И хлопнула дверь. Вот это прием!

– Да вы... вы что, гражданка? – опомнился Долгов. – Откройте, почему вы разговариваете через стенку? Мне, кроме телефона...

– Русским языком сказано: бутылки нету! – с негодованием донеслось откуда-то из недр здания. – А будешь буянить, участкового вызову! Будет тебе теплая печка!

– Нет, это же ни в какие ворота... – пробормотал обескураженный Долгов.

Поразмыслив, он решил сдаваться:

– Гражданка, мне на базу нужно позвонить, приедет ли машина! Они должны меня забрать!

– Сказала тебе, алкаш: будешь буянить - заберут!

Долгов плюнул в сердцах, отошел от окошка и, обиженно нахохлившись, снова сел на скамью.

“Бешенная какая-то баба. Я еще на перроне почувствовал, что тут дурдомом пахнет.”

Холод быстро подобрался к спине. Не давало покоя и оскорбленное самолюбие. Он поднялся с праведным желанием вышибить эту дурацкую фанеру. Подошел к кассе. Потоптался в нерешительности и плюнул в сердцах.

Не то воспитание, прямо сказать ущербное воспитание...

Раздраженно раздувая ноздри, поплелся наружу. Черт с ней, с печкой – телефон, нужен телефон. До поселка с рюкзаком идти далековато. Оставить рюкзак здесь, с этой ненормальной – дураков нет.

“Ненормальная” представлялась в виде гром-бабы, толстой и неопрятной, с грубым, мужеподобным лицом. Наверное, еще и с волосатой бородавкой на носу. С такой только свяжись...

Недалеко от вокзала стоял утонувший в сугробах домишко. Телефона там, конечно, нет, но может, примут на время рюкзак? Скрипя по снегу плохо гнущимися валенками, Долгов зашагал по тропинке. Поднявшись на крохотное крыльцо, постучал в дверь. Никто не отзывался. Постучал громко, решительно. И тут глухо.

“Ясно: всех покосила чума, связь с большой землей прервана, – вяло пытался шутить Долгов. – Выжила одна дура с бородавкой на носу. Потому что таких дур и чума не берет... Хотя на севере, вроде, не бывает чумы. Значит, есть надежда наткнуться на говорящее существо. Вон еще один дом, последний.”

Он направился к этой последней надежде, но на полпути замедлил шаг и остановился. На длинной цепи сидел огромный лохматый кобель. Он азартно следил за каждым шагом незнакомца и от нетерпения ерзал задом по снегу, предвкушая радость точного прыжка. На его мощном загривке поднялась шерсть, из ошеренной пасти капала кровожадная слюна. По всем приметам, зверюга опытная, потому преждевременно не подавала голос, опасаясь спугнуть двуногую дичь.

Долгов на глаз прикинул длину цепи и натянутой проволоки, по которой скользила эта цепь. Выходило, что эта ненормальная, которая за стенкой, не так опасна, как эта, которая на цепи.

Увидев отступление жертвы, зверюга разочарованно твякнула и озадаченно вывалила язык.

“Ладно, рискну, – решил Долгов, – возьму вокзал с тыла.”

С обратной стороны вокзала – невысокой крыльцо и дверь, которая должна вести в служебное помещение. Надо незаметно подобраться и постучать в дверь, тогда, может, откроют. Ведь на любом вокзале должен быть телефон. Если эта проблема не даст позвонить, то он хоть на место ее поставит... чтоб знала. Поди не укусит, разве что еще раз облает.

Тропинка еле угадывалась, и Долгов проваливался в глубокий снег. Черпнул полное голенище валенка, болезненно поморщился. Но вот и крыльцо. Занес было ногу на ступеньку и замер в такой позе от резко распахнутой двери. Подняв глаза, он изумленно раскрыл рот: опираясь на швабру, на пороге подбоченясь стояла молодая еще женщина необычайной красоты. Нервно, явно наспех наброшенный на голову и плечи пуховый платок как будто подчеркивал ее вызывающую, с южной примесью красоту.

– Ну, ты наглец, – произнесла она с какой-то спокойной яростью, и все это подействовало на Долгова сильнее, чем если бы его огрели шваброй. Он отпрянул от крыльца и снова провалился в снег, набрав в другой валенок. – Ведь русским же языком сказала: нету бутылки. Нету! Все, закрыта лавочка, чеши отсюда.

Платок у нее сполз с головы, открыв черные как смоль, слегка вьющиеся волосы. Они падали на плечи тяжелыми шелковистыми кольцами. Немного раскосые глаза смотрели на Долгова победно и даже чуточку лукаво.

Эта лукавинка словно ободрила Долгова, сердце которого вдруг учащенно забилось. “Какая красотища в дырище этой пропадает!– подумал восхищенно.– Смех и горе!”

– Такой интересной женщине не к лицу сердиться,– как можно мягче сказал он, улыбаясь.– Тем более, я человек непьющий. За мною попутно машина должна заехать, на буровую забрать, вот я и хотел позвонить.

– Хм... а почему тогда одет, как бомж?– спросила она недоверчиво.– Шубу, небось, просадил?

– Откуда мне знать, что у вас такие морозы?.. На работу устаивался, у них в конторе только валенки мне подошли, полушубки как на слонов сшиты.

– Треплешься так, что и поверить можно,– сказала она недоверчиво.– Дыхни-ка, красноречивый!

– Ну, это знаете...– пробормотал Долгов.

Все же неуверенно поднялся на ступеньку и осторожно дыхнул.

– Что, в зобу дыханье сперло?– усмехнулась она искомандовала:– Сильнее!.

Досадливо крякнув, он набрал в грудь морозного, обжигающего воздуха и с шумом выдохнул.

– Надо же... Сказала красавица и слегка пожала плечами. Не понятно было, удивлена она или разочарована.– Откуда ты такой взялся в наших краях?

– Да так... Из одного известного городишки благодатной южной полосы.

– Что же тебя погнало из этой благодатной полосы?

– Да уж погнало...– Долгов не был расположен откровенничать с незнакомой женщиной, пусть она хоть и красавица писаная.– Вот решил счастья поискать на далеком севере, развлечься немного после суеты городской. Кочегаром взяли...

– Ха! Развлечься ему захотелось!– засмеялась вдруг она.– Эти ваши буровики так развлекаются, когда с выходных через наш поселок едут, что горы бутылок за собой оставляют. У них же не бабы – стервы, ни одного мужика мимо себя не пропустят! Так что по адресу попал – поразвлекаешься.

– Я, наверное, не так выразился,– смущенно пробормотал Долгов, но она только махнула рукой.

– Чего уж не так? Так!

Украдкой любуясь ею, он подумал, что даже грубая насмешливость не вредит ее привлекательности.

– А я, знаете, равнодушен к этим... как вы сказали, стервам,– сказал он небрежно.

– Ну-ну.

– Может, я вас увидел, и мне никакие женщины не нужны...

Красавица вдруг ощетинулась и зло процедила:

– Ты мне зубы-то не заговаривай! Зал ожидания с другой стороны – катись и жди свою машину.

– А позвонить? Надеюсь...

– И не надейся! В возрасте, а туда же...

Она повернулась уходить.

– Жалко вам, что ли?

– Запрещено со служебного! Иди на почту и звони, сколько влезет.

Она хотела еще что-то сказать, наверняка дерзкое, но только смерила приезжего долгим взглядом, в котором мелькнуло что-то вроде сожаления, смешанного с женским любопыт-

ством. Дескать, извини, но с вашим братом-охальником только так и надо. Впрочем, дверью она хлопнула оглушительно. Так показалось Долгову.

– Рюкзак-то хоть можно оставить?

– У меня не камера хранения!– донеслось из-за двери.

“Чего это она?– недоумевал Долгов.– Как с цепи сорвалась... Не-ет, с такой дело иметь – себя не уважать.”

Пришлось ему с грузным рюкзаком за плечами тащиться в поселок. Но и там неудача: почта на замке. И никого нет, будто вымер поселок. Одна только старуха тащила по дороге пустые санки. Спросил, где носит почтовую работницу, та лишь рукой махнула:

– Сами, бывало, днем с огнем ищем почтовиху нашу.

Не рискуя разминуться с машиной, Долгов чертыхнулся и потопал обратно на станцию, кляня неудачный день.

Снег в негнущихся валенках подтаял. Кровавые мозоли. Кажется, были обеспечены на обеих ногах. Еще и погода испортилась окончательно. Серая непроницаемая мгла залепила небо, между редкими кустиками карликовой березки зловещими змеями ползла поземка. Над горизонтом, где совсем недавно было солнце, еле угадывалось бледное пятно. Когда шел в поселок, ветер подталкивал в спину, теперь же беспощадно хлестал по лицу колючим снегом. Долгов пытался идти и боком, и задом наперед, но ветер хлестал по щекам с прежней жесткостью.

Когда, наконец, подходил к станции, промёрз так, что к дверям вокзала бежал чуть не вприпрыжку.

“А там печка ледяная,– раздраженно подумал он.– Ну, я ей все выложу, психопатке!..”

Ввалившись в зал ожидания, не снимая рюкзака, он с видом неподкупной взыскательности приложил ладонь к железному боку печки, готовый выказать всю глубину знаний ненормативной лексики...

Печка была теплой. Местами даже горячей. В первые секунды Долгов даже не понял, доволен он или разочарован.

Он с блаженством сбросил с плеч до смерти надоевший рюкзак, сел на скамью и болезненно вытянул ноги. А кто-то ведь хвалит эти вяленые кандалы...

Печь, конечно, не успела нагреть зал ожидания, но если придвинуть край скамьи вплотную к голландке, то жить можно.

Немного оттаяв, Долгов устало закрыл глаза. Придет ли машина, не придет – бегать он больше не намерен ни от псов, ни от психических красавиц. Спешить некуда, от печки идет тепло – чего еще надо человеку, которого судьба с размаху зашвырнула в это лесотундровое царство безмолвия?.. Интересно, есть ли у них тут столовая?

Долгов покопался в рюкзаке, достал полбуханки белого хлеба, стал отщипывать от нее. На худой конец можно протянуть и без столовой.

Хлеб и тепло разморили его, подкрадывалась дремота. Голова с побеленными висками клонилась на грудь.

Вдруг Долгов дернулся: вывернувшись из ошейника, черный кобель взвился в длинном прыжке, нацелившись на горло страшными клыками...

Взглянул на часы – сколько он спал, не проворонил ли машину? Минут пять-семь, не больше. Он провел ладонью по лицу, не глядя, нащупал буханку. Отломил кусочек, отправил в рот. И тут краешком глаз уловил какое-то движение в окошке кассы. Резко повернулся и встретился глазами с красавицей, которая молча наблюдала за ним, приоткрыв фанерную дверцу. Долгов перестал жевать. Отвернулся, с трудом проглотил нежеванное и сделал вид, что окошко интересует его меньше всего на свете.

– Ну, дозвонился или нет?– спросила она с грубоватым сочувствием.

Долгов сердито взглянул на нее исподлобья и промолчал.

– Какие мы надутые... Чего всухомятку-то молотишь? Заходи, чаем угощу. Замерз, поди?

– Замерз или нет, вам-то что до этого?– проворчал Долгов.

– Вот это да!– воскликнула она с напускным возмущением.– Я для него стараюсь, печь топлю, а он – гляньте-ка на него!

Долгов сконфуженно прикрыл рюкзак, скрестил руки на груди, всем видом показывая, что не следует нарушать его покой, тем более подглядывать за ним. Что за привычка подглядывать, когда человек ест?..

– Ну так что, обидчивый?– не отставала женщина.– Зайдешь чайком погреться?

– Не хочется что-то,– буркнул он неуверенно.

– Больше всего не люблю упрашивать всяких!..– взорвалась она и раздраженно захлопнула дверцу.

Долгов усмехнулся:

“Один – один, боевая ничья. А то ишь!..”.

И тут же представил, как эта красавица нальет сейчас чашку чая и будет пить одна, томно вздыхая. С сушками, наверно, будет пить. Или с маковыми сухариками. Вот если бы она не так грубо приглашала... улыбнулась разок, что ли.

Он снова раскрыл рюкзак. Хлеб, вроде, свежий. Утром на какой-то станции купил, а всухомятку что-то не лезет. Запить бы чем-нибудь мокрым. Раньше на вокзале бачки с водой были. И кружки на колодезных цепях.

“Пусть,– думал он.– Теперь она ко мне не сунется... Сами, между прочим, виноваты – избаловали их вниманием, красавиц писанных.”

Долгов жевал хлеб, то и дело поглядывая на окошко кассы. Скрипнула дверь. Он повернул голову и замер с набитым ртом – на пороге, кутаясь в пуховой платок, стояла красавица и насмешливо улыбалась. Долгов поперхнулся и закашлялся.

– Неплохо устроился,– сказала она, решительно направляясь к пассажиру, которого сильнее душил кашель.

Долгов только рассержено взглядывал на нее, вытирая ладонью слезы. Красавица подошла и с размаху врезала кулаком по его спине. Рука у нее оказалась тяжелой. Кашель прекратился.

– Полегчало?– участливо спросила она.

А он сопел и не желал встречаться с ней взглядом.

– О-би-и-делся,– удивленно протянула она и всплеснула руками.– Ну, извини, извини, такая уж я злыдня. Не за того тебя приняла. Тут, знаешь, кобели, а не мужики, ни стыда, ни совести. Огреешь одного-другого шваброй, тогда только начинают котелками своими пьяными варить. Не серчай.

– Да ладно, чего там,– пробормотал Долгов, чувствуя неловкость от ее извинений.– Я, может, тоже не за ту вас принял.

– Это за кого же?

– Не скажу.

Она засмеялась:

– Тогда пошли, чай остынет.

Он улыбнулся немного натянуто:

– А почему бы и нет, если такая женщина приглашает.

– Ну, вот и ожил.

В небольшом служебном помещении было тепло и уютно. В углу топилась печь, от которой слегка несло чадом горевшего каменного угля. На плите тоненько попискивал чайник. Стол, стулья.

Хозяйку словно подменили, как только она оказалась в своей комнате. Помогла Долгову снять куртку, повесила ее на вешалку, усадила за стол. Разлив по чашкам душистый чай, придвинула поближе к оробевшему гостю тарелку с подрумяненными пирожками.

– С брусничкой. Угощайся, сама пекла.

Пирожок был вкусным, а чай – с морозу-то – просто божественный напиток. Может, и север окажется не такой уж дикий?

– Очень вкусно, таких я еще не пробовал, – умиротворенно вздохнув, сказал он.

– Так уж и не пробовал, – недоверчиво улыбнулась она. – Правда, нравятся?

– Чистая правда. Ягоды сами собирали?

– А кто же за меня их соберет – помощников-то нет.

– А... – начал было Долгов и осекся.

– Что, муж? – засмеялась она. – Муж объелся груш – пять лет как развелись, слава тебе Господи.

– Характерами не сошлись?

– При чем тут характеры... Пил, руки распускал. А-а... – махнула она рукой, погрузнев. – Дочь есть. Замужем, в Инте живет.

Долгов как-то незаметно для себя приканчивал третий пирожок. Спихватился, отодвинул от себя тарелку.

– Ты ешь, не двигай. Засохнут – невкусные будут.

– А вы... что вы здесь делаете?

– Как что? Я здесь родилась, куда я отсюда?.. Мой дом рядом, первый от вокзала. Ты туда стучался. Ну думаю, не стал бы алкаш двери ломать.

Они засмеялись, и этот смех растопил остатки льда. Долгову стало так тепло и душевно в этой служебной комнате, что он забыл и про машину, которая не хочет за ним заезжать, и про буровую, куда его не желают везти. Просмеявшись, но еще не согнав с лица улыбку, она сказала:

– А вообще-то похвастать нечем – обычная серенькая судьба.

“Серенькая судьба у такой яркой женщины?!”

Долгов украдкой, довольно нескромно, скользнул оценивающим взглядом по эффективным грудям под натянутой кофтой, широким бедрам, тонкой талии и ниже, к упругим икрам, соблазнительно обтянутых теплыми колготками. Она перехватила его взгляд и лукаво улыбнулась. Долгов смутился, как нашкодивший мальчишка, и уткнулся в чашку, сосредоточенно разглядывая плавающие в ней чайники. Повисло неловкое молчание. Настороженно подняв глаза, снова встретился с ее взглядом. И уловил в нем искорку то ли дружественной иронии, то ли особога какого-то женского покровительства. Ему вдруг захотелось быть смелым и бесшабашным, выдать ей для начала какой-нибудь закрученный комплимент, но он сдержал себя, подумав о загадочности женской души. “Сбавь обороты, парень. Может она приняла меня так, потому что ей неловко за грубость.”

Она вдруг поднялась и сказала смущенно:

– Ну, расселась... Вы еще попейте чайку, а я пойду позвоню на вашу базу насчет машины. Номер телефона знаете?

Долгов кивнул, суетливо порылся в карманах, протянул клочок бумаги. Подумал с неудовольствием, что вот она уже на “вы” перешла, вроде как глухую стенку выстраивает.

Когда она ушла в кассу, где стоял телефон, он вдруг разволновался, зачем-то подальше отодвинул чашку и замер в напряженном ожидании, нервно выстукивая пальцами по столешнице. Убрал руки, откинулся на спинку стула, стараясь расслабиться, даже попытался тихонько насвистывать.

“Сбавь, сбавь обороты, старый дурак,— попробовал поиздеваться над собой, хотя, по правде сказать, ни старым, ни дураком себя не считал.— Ты приехал сюда кочегарить, холодный север отогревать, а не ухлестывать за местными красавицами... Смех и горе!”

В самом деле, что это с ним?! Услышав через дверь, что телефонный разговор окончен, Долгов подавленно сжался, чувствуя, что настает время выметаться отсюда по-хорошему.

Так оно и было. Хозяйка появилась в дверях и с улыбкой сообщила, что дозвонилась, и что машина будет у переезда с минуты на минуту. Долгов поблагодарил за угощение, молча оделся, взвалил рюкзак на спину и, враз поскучевший, замер у выхода, растерянно теребя в руках шапку.

Может, впервые за много лет он почувствовал себя не просто существом сильного пола, которого ценят соразмерно величине денежной суммы в кармане, которую он исправно приносит в семью. Он почувствовал себя полноценным мужчиной, который может любить, который вправе надеяться на ответное чувство. Он вдруг с удивлением открыл для себя, что был не прав, считая, будто нет на свете счастья. Оно где-то тут, он чувствует его неуловимое присутствие, его можно найти, стоит только приглядеться, стоит только помедлить на пороге этой служебной комнаты, посреди которой стоит она, которую он, конечно же, видит в последний раз...

Долгов безнадежно вздохнул, тихо попрощался и вышел, борясь с нарастающим желанием остаться под каким-нибудь предлогом.

Было два часа пополудни, но сумерки уже сгущались. Тускло засветились окна крайнего дома. Одинокий фонарь на перроне мотался и поскрипывал на ветру так настойчиво, словно ему не терпелось оторваться со столба и улететь вслед за поземкой. В оранжевом конусе его света вспыхивали косо летящие снежинки.

Холодно, тоскливо, безлюдно.

Не дойдя до переезда, который был в полусотне метров от вокзальчика, Долгов снял рюкзак и поставил его на вылизанный ветрами снег. Не выдержал, с надеждой оглянулся.

Она стояла на крылечке, кутаясь в пуховый платок. Слегка помахала ему рукой — все, мол, в порядке, иди. Вдруг, вспомнив что-то, крикнула:

— Погодите, я сейчас!

Через минуту она уже была возле него, держа под мышкой фуфайку. Набросила ему на плечи.

— Что вы, зачем?!— растерянно бормотал он.— Не надо...

— Надо, надо, без разговоров,— со свойской строгостью сказала она.— Давайте руку.

— Мне же скоро выдадут.

Не слушая, она помогла ему просунуть руки в рукава.

— Вот и ладно, пригодится в дороге. Это вам не благодатная южная полоса, у нас тут вроде как север,— говорила она, застегивая пуговицы, как на маленьком.

Фуфайка подходила по размеру, но поверх куртки была тесноватой. От нее сразу стало тепло и уютно.

Порыв ветра вырвал из-под платка прядь ее волос и мягко провел ею по щеке Долгова. От этого прикосновения сердце у него замерло. Она, эта незнакомая женщина стала вдруг близкой, родной, и уже не верилось, что какой-то час назад он знать не знал о ее существовании. Затаив дыхание, он наслаждался этой близостью, морозной свежестью ее красивого лица. Не отдавая себе отчета, не владея больше собой, Долгов крепко обхватил ее за плечи, привлек к себе и впился в губы.

Глухо вскрикнув зажатым ртом, она яростно попыталась оттолкнуть его обеими руками, но ее движения становились все слабее, пока руки вовсе не легли ему на плечи. Сердце Долгова трепетало и ликовало — вот оно, нежданное счастье, он знал, он чувствовал его! В нем ликовало все, сердце, и руки, которые, отказались подчиняться голове, скользнули вдруг ниже ее талии...

Реакция была мгновенной: она оттолкнулась от Долгова, и ее крепкий кулачок угодил ему в край левого глаза.

Он испуганно отшатнулся и забормотал:

– Извините... как-то само собой...

– У меня тоже само собой,– ответила она сердито, поправляя платок.– А с виду-то тихоня!

И, резво поскрипывая снегом, пошла к крыльцу.

– Можно, я при случае загляну к вам?– упавшим голосом спросил он вдогонку.– Мне же надо фуфайку...

Она обернулась на ходу и обожгла его таким насмешливым взглядом, что он осекся: все пропало.

“Идиот! Ну почему же я такой...”

В дверях она снова обернулась и каким-то загадочным тоном спросила:

– Ну, что? Больно и обидно?

– Мне?! Ничуть, наоборот.

– То-то и оно, что наоборот.

Хлопнула дверь, отрезав от Долгова то самое, чье неуловимое присутствие он только что чувствовал, к чему стоило только приглядеться...

“Смех и горе!”– обескуражено покрутил он головой.

Потрогал место, по которому пришелся кулак. Кажется, маленько припухло. Да, тяжелая рука северных красавиц...

“Ничего,– подумал Долгов.– Не в самый ведь глаз. Может, не будет синяка. Хотя ради такой женщины не грех и фонарем осветить... Ох, лопух же я: даже имени не спросил. Просто смех и горе!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.